

Анатолий Терещенко

ОН СПАС

СТАЛИНА

М
И
Р
Ш
П
И
О
Н
А
Ж
А

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ

www.argumenti.ru • выходит по четвергам

Мир шпионажа

Анатолий Терещенко

Он спас Сталина

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2018

УДК 94(47+57)

ББК 63

Терещенко А. С.

Он спас Сталина / А. С. Терещенко — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018 — (Мир шпионажа)

ISBN 978-5-6040605-5-1

Книга посвящена забытому на полстолетие сотруднику Смерш НКО СССР генерал-майору Николаю Григорьевичу Кравченко, активному участнику контрразведывательного обеспечения международной конференции 1943 года в Тегеране – т. н. «Большой тройки». Блестяще организованная советскими органами госбезопасности совместно со спецслужбами союзников операция по нейтрализации готовящейся террористической акции фашистов произвела настолько сильное впечатление на Рузвельта и Черчилля, что они захотели увидеть человека, спасшего им жизни. Сталин выполнил просьбу. Они были удивлены столь низким званием – подполковника и попросили присвоить И.Г. Кравченко генеральское звание, что и было сделано. О жизни и деятельности патриота и защитника Родины и пойдет речь в этом повествовании. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 94(47+57)

ББК 63

ISBN 978-5-6040605-5-1

© Терещенко А. С., 2018

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018

Содержание

Предисловие	5
ТЕПЛО РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА	8
МАХНОВЩИНА	13
ЧЕРВОНОЕ КАЗАЧЕСТВО	20
КРОВАВЫЙ ГОД	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анатолий Терещенко

Он спас Сталина

Предисловие

*Ненависть – активное чувство недовольства; зависть – пассивное.
Нечего удивляться тому, что зависть быстро переходит в ненависть.
Йоганн Гете*

О Тегеранской международной конференции написаны десятки книг, сотни статей, в 1981 году поставлен и вышел на экраны советско-французский фильм «Тегеран-43», который вызвал фурор. Над фильмом работали специалисты СССР, Франции, Испании и Швейцарии. В итоге режиссеры Владимир Наумов и Александр Алов получили награды: на Всесоюзном кинофестивале – главный приз, а на Международном – еще два. В главных ролях были задействованы такие видные и выдающиеся артисты, как Наталья Белохвостикова, Игорь Костолевский, Армен Джигарханян, Ален Делон, Курд Юргенс, Альберт Филозов, Жорж Жере, Глеб Стриженов, Николай Гринько и др.

Настоящая книга посвящена забытому более чем на полстолетия советскому военному контрразведчику, сотруднику легендарного Смерша генерал-майору Кравченко Николаю Григорьевичу, принимавшему активное участие в боях и оперативных действиях органов военной контрразведки с первых дней Великой Отечественной войны. Он также участвовал в охране «Большой тройки» и спецоперациях по обезвреживанию группы гитлеровских агентов-террористов, готовивших покушение на руководителей СССР, США и Великобритании – И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Тегеране.

Блестяще организованная советскими органами госбезопасности совместно со спецслужбами союзников операция по нейтрализации готовящейся террористической акции фашистов произвела настолько сильное впечатление на президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля, что они корректно высказали желание увидеть человека, который спас им жизнь.

Удивленные низким воинским званием одного из непосредственных руководителей этой операции подполковника Николая Григорьевича Кравченко, они посчитали своим долгом попросить Сталина присвоить ему генеральский чин.

Сталин выполнил их просьбу...

После смерти вождя и прихода к власти Н.С. Хрущева начался процесс так называемой десталинизации. Теперь под дробилку новых репрессий попали люди, работавшие при Сталине. Но не правители, а время и их дела определяют появление людей в ту или иную эпоху.

В жерновах так называемой оттепели оказалась и трагическая судьба генерал-майора Н.Г. Кравченко, и многих тысяч сотрудников органов госбезопасности, блестяще зарекомендовавших себя в годы войны на незримом фронте в борьбе с опытными спецслужбами гитлеровской Германии.

О жизни и деятельности патриота и защитника Родины, его шельмовании в конце 1950-х годов и пойдет речь в этом повествовании. Написать о забытом генерале военной контрразведки заставили автора и обстоятельства совместной службы, правда в разное время, в Особом отделе КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу с местом его дислокации в городе Львове.

У Жана-Батиста Массийона мне встретились такие слова: «Существует немало мрачных и раздражительных умов, которые радуются лишь тогда, когда находят зло там, где его нет».

Давно замечено, что время и обстоятельства лепят судьбу человека. Хотя и считается, что еще в колыбели решается, куда склонится чаша весов у человека в будущем, но мне кажется, любой homo sapiens делает себя сам, своим трудом и поведением.

Также читатель встретится на страницах данного повествования с мрачными и раздражительными умами, попытавшимися ошельмовать патриота Отчизны – честного, мужественного и верного человека.

Предлагаемая книга ни в коем случае не претендует на роль истины в последней инстанции. Автор понимал, что большая часть основных материалов о генерал-майоре Кравченко Николае Григорьевиче до сих пор засекречена. Поэтому у него был только один путь – искать людей, служивших, работавших или знавших Николая Кравченко в быту, родственников, а также открытые источники и, сопоставляя материалы и анализируя действия офицера, выстраивать векторы и вехи всего жизненного пути мужественного и скромного человека.

Вообще сильные личности не нуждаются в рекламе, делая большие и важные дела тихо, незаметно, но напористо. Время и только время имеет прямое отношение к природной закономерности настоящее делать прошлым – так уж устроена жизнь. Люди тоже, нередко проходя через время, убивают память о прошлом своих даже близких по духу современников. Это случается по разным причинам: наветам, зависти, равнодушии.

В поисках материалов для написания книги о защитнике Отечества большую помощь оказали сослуживцы Кравченко: генерал-лейтенант Ф.И. Рыбинцев, генерал-майоры в отставке Л.Г. Иванов, Г.М. Казимир, В.А. Кириллов; полковники в отставке Д.Ф. Капранов и А.А. Вдовин, а также председатель Совета ветеранов ДВКР ФСБ РФ по Калининградской области полковник в отставке С.И. Захаров.

Автор благодарен им за помощь в воскрешении в памяти этой неординарной личности.

Замечено, что о жизни человека всегда больше, чем скудные данные личных дел, могут рассказать люди, тесно или близко общающиеся с ним. Одни в ходе бесед снабжали автора интересной информацией о местах и времени прохождения им службы. Другие с теплотой отзывались о личности вообще и душевных качествах нашего героя, волею судеб вознесенного на олимп славы, а по зависти и мести конкретного недоброжелателя и его шептунов уничтоженного морально, что в конечном итоге и приблизило его гибель.

Нашему герою приходилось трудиться в той эпохе, когда жить было легко, но довольно таки противно, особенно после 1953 года на новой волне «оттепельских» репрессий Никиты Хрущева с реальными тюремными сроками и новой кровью жертв в результате неоправданных казней часто невиновных людей.

Да, это касалось и сталинского, и хрущевского времени. Одним цветом не нарисуеть реалистичную картину жизни человека. После смерти Хозяина СССР новый вельможа Кремля попытался всячески очернить период сталинского руководства страной и людей, чем-то отменившихся в этот период.

На всех углах и перекрестках Советского Союза срочно переукрашившиеся вчерашние партократы из сталинской обоймы, ставшие в одночасье клеветами нового партийного барина, кричали о сплошных преступлениях и недостатках предыдущей эпохи, в делах которой и сами активно поучаствовали.

Оглуплялись люди, работавшие со Сталиным. Вешались негативные ярлыки на полководцев, выдвинутых Красной армией и народом в годы войны. Авторитет армии был снижен до опасно низкого уровня, а о роли органов госбезопасности и говорить не приходилось – они были затоптаны в грязь. Все – и контрразведка, и разведка. В одну кучу бросались и негодяи, и честные, порядочные, мужественные офицеры и генералы, которых было несомненное большинство.

Создавалось впечатление, что «новая» со старыми замашками власть, активно поучаствовав в сталинском режиме, почему-то то и дело шельмовала «чужое» прошлое. А ведь оно

было для них родным. Было их родимым пятном. И что удивляло тогда многих простых добropорядочных тружеников, это культивирование из героев не единицы, а целые отряды анти-героев.

Подобные типы, способные на подлости, называются в народе маленькими людьми. «Я человек маленький!» – говорят обычно такие люди и бьют ниже пояса. Не способный ни к чему способен на все. На свете полно порядочных людей. Их можно узнать по тому, как неуклюже они грешат.

В жизни часто случается так, если человек поступает по-свински, он говорит: «Помилуйте, я всего лишь человек!» А если с ним поступают по-свински, он восклицает: «Позвольте, я ведь тоже человек!»

Хрущеву и его приближенным не хотелось делать какие-то прогнозы и объясняться – воля для них была основой действия. Как-то академик А.Л. Яншин заметил: «Не все же бегать и орать... Надо же когда-то сесть и подумать».

Но не до мыслей было политикам. Дабы отвлечь от внутренних трудностей и своих грехов, главный удар наносился по сталинским репрессиям, в которых самое активное, если не активнейшее участие принимал и новый «пухлый вождь», в бытность находившийся на партийной работе в Киеве и Москве. От них он, конечно, отрешился, в том числе и известным воровским методом – ликвидацией лично и по его приказам опасных архивов. По этому поводу уже написаны сотни книг.

Кто-то из великих сказал, что всякий панегирик скучен, а сатира занимательна: следовательно, чтобы не быть скучным, невежда вынужден навредить не столько из желания, сколько из тщеславия. Такие типы мстят недозволенными методами и, потирая потные руки, радуются «успехам наказания».

Поломанных людских судеб с личным участием Хрущева было много, очень много, не все известно до сих пор. Одних расстреливали, других сажали в тюрьмы на длительные сроки. А третьих унижали внезапными увольнениями под надуманными предлогами. Для таких людей совесть перестает быть трендом. Она, как аппендицит. Заболит – вырезал. Они вне критерия добра и зла, правды и неправды. Они всегда правы.

Одним из этого ряда обреченных закончить жизненный путь в унижении и прозябании был и Николай Григорьевич Кравченко – бывший герой Тегеранской конференции, спасший в ходе участия в агентурно-оперативных мероприятиях вместе с другими сотрудниками Смерша жизни Сталину, Рузвельту и Черчиллю.

Последняя его должность в военной контрразведке – начальник Особого отдела КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу, в котором довелось служить и автору этих строк.

Власть до сих пор не извинилась за молчание и не сказала добрые слова патриоту Отчизны, активному участнику Великой Отечественной войны, ошельмованному хрущевской местью. Молчат почему-то и коллеги...

ТЕПЛО РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА

*Среди полей, холмов, оврагов.
Любимый сердцу уголок.
Кусочек Родины прекрасной,
Где сеть проселочных дорог...*

Валентина Гузеева

Как точно сказала поэтесса Т. Залеская, «милая малая родина, теплый родительский дом, сколько дорог было пройдено – думали всюду о нем».

У каждого в биографии есть причал, или остров, под названием «детство», из которого отправляются в многолетнее плавание по волнам жизни. А еще его называют малой родиной с запахами отчего дома, хаты или избы. В этом бушующем страстями море у каждого живого существа бывают взлеты и падения, страхи и бесстрашие, победы и поражения.

Малой родиной для нашего героя стало казацкое село с хатами-мазанками, в которых применялась технология деревянного каркаса, как и у стен фахверкового дома. Промежуток между стойками и ригелями заполняли кольями, оплетали их хворостом, соломой или камышом, а затем обмазывали глиной.

Именно в таком доме в селе Котовка Екатеринославской губернии в 1912 году в семье Григория Кравченко родился

мальчик. Нарекли его Николаем. Наверное, родители знали, что имя переводится с греческого языка как «победитель народов». Энергия этого имени обладает удивительной подвижностью. Медлительность ему чужда и противна. Но, заинтересовавшись, он способен на чудеса.

Николай склонен ощущать себя центром мироздания, довольно самолюбивый и самодовольный человек. Трудно отыскать какую-либо область, в которой он не имел бы собственного мнения. Впрочем, не надо представлять Колю этаким всезнайкой, просто это свойство любого быстрого ума.

По сути своей он – человек очень добрый, непривередливый, в быту может довольствоваться малым. Мыслит конкретными категориями, пустому созерцанию предпочитает дело, которому отдает все силы своей богато одаренной души.

Николай – честный человек и нарочито прямой. Может быть поэтому, ему неприятна и непонятна всевозможная закулисная возня. Не выносит непорядочности и в этом смысле одинаково строг и требователен к себе и другим, работающим под его началом.

В женщине ценит не только внешние данные, а умеет наслаждаться и духовной близостью с ней. Он окружает себя толпой приятелей, но только избранные считают себя его друзьями.

О имени и личности написано тоже немало толковых объяснений. Конечно же, каждый человек – творец своей собственной судьбы.

По преданию, своим названием Котовка обязана запорожскому казаку Василию Коту, основавшему в начале XVII века небольшой хутор на месте теперешнего села. Оно расположено на левом берегу реки Орели, что в двадцати пяти километрах от железнодорожной станции Вузовка на линии Новомосковск – Красноград. Через село проходят канал Днепр – Донбасс и связанная с ним автострада. Впоследствии рядом возникли хутора казаков-переселенцев. Особенно много было их почему-то из Полтавской губернии. По рассказам бабушки автора Марии Захаровны Терещенко (Ефимовой), уроженки казацкого села Сурмачивка на Полтавщине, ее предки покидали родной край из-за феодального закабаления и уезжали с семьями на земли Екатеринославщины и дальше.

«Вот и мой прадед Ефимов Захар, покинув село Сурмачив-ку, отправился в середине XIX столетия на волю. Потянуло его к большой воде – к морю Черному. Прошел все морские ступени, став капитаном торгового судна. Участвовал в Крымской, или Восточной, войне 1853–1856 годов. После войны, получив тяжелое ранение, приехал в родное село в выстроенную им когда-то хату-мазанку на горбу правого высокого берега реки Сулы – притока Днепра, где и закончил жизненный путь».

Но вернемся к Котовке.

Согласно историческим документам, казаки «запасали дерево» за «Орелью, при деревне Котовка».

В 1771 году Гадячская полковая канцелярия Полтавской губернии вела переписку с Кошем Запорожской Сечи, требуя выдачи казака Федора Волощенко, переселившегося в местечко Котовку с двумя работниками и всем имуществом, включая 36 волов и 2 строевые лошади.

На следующий год в Котовке обосновалось уже несколько семей крестьян, приписанных к Гадячскому полку и принимавших участие в восстании против его командира Милорадовича.

После ликвидации Запорожской Сечи Котовка вместе с пахотными землями и угодьями была пожалована Екатериной Великой в качестве «ранговой дачи» полковнику Л.С. Алексееву, ставшему одним из крупнейших землевладельцев края.

В документах 1785 года она значится как слобода Алексопольского уезда Екатеринославского наместничества, а с 1797 года – Новомосковского уезда Новороссийской губернии. Помещику принадлежало 12,3 тысячи десятин земли, в том числе 8,5 тысячи – пахотной. В имении действовали полотняная фабрика, оснащенная механическими станками, винокуренный и конный заводы.

Выгодное географическое положение Котовки, через которую проходили дороги с чумаками за крымской солью из Полтавы и Харькова в Екатеринослав и Новомосковск, способствовало появлению в ней торговли сельскохозяйственными продуктами, ремесленными товарами, изделиями народных промыслов.

Путем жестокой эксплуатации крестьян – барщина в экономии Алексеева достигала пяти дней в неделю – богатый помещик наживал огромные барыши. Среди селян постепенно зрело недовольство, говоря современным языком, сельским олигархом, готовое перерасти в пушкинский бунт, «бессмысленный и беспощадный».

В 1856 году бунт прокатился по многим южным губерниям под лозунгами – «Долой крепостничество!», «Долой рабство!», «Требуем волю на нашу долю!». Среди крестьян екатеринославской и соседних земель это антикрепостническое движение получило название «Поход в Таврию за волей».

Нищенское существование, политическое бесправие даже после отмены в 1861 году Александром Вторым крепостного права толкали крестьян на борьбу против помещиков и царской администрации. 29 августа 1884 года жители Котовки подожгли в экономии амбары с зерном, другими продовольственными запасами и уничтожили посевы.

В феврале 1898 года местный крестьянин Д. Редька распространил слух об увеличении земельных наделов. В донесении полицейского урядника от 16 января 1900 года сообщалось, что житель Котовки крестьянин Д. Панченко агитировал односельчан отобрать землю у помещика, за что был арестован и предан суду.

Революция 1905 года подняла самосознание народа на новую высоту. В конце года, а точнее в ноябре, забастовочная борьба приобрела настолько острый характер, что главный екатеринославский администратор вынужден был просить своего коллегу полтавского губернатора помочь войсками – ввести солдат в Котовку.

На вопрос котовского начальника: «Чего они восстают?» селяне ему отвечали просто: «Собака лает там, где она привязана!»

Сегодня мы бьем челом Столыпину, делаем из него спасителя России, забывая о его больших грехах, в том числе и «стольпинских галстуках»:

*Цитат Столыпина уж рать
О выживании России
Но позабыли рассказать
Как «галстуки» его носили...*

Забыли и про то, что стольпинская аграрная реформа ускорила процесс расслоения крестьянства. С каждым годом в селе увеличивалось количество безземельных и безлошадных хозяйств. Появились крупные землевладельцы, которых потом называли кулаками. Период стольпинщины в Котовке был похож на нашу современную жизнь, где рядом с замками, виллами, коттеджами сегодняшних нуворишей можно встретить обилие «фанерных скворечников» или «собачьих будок», принадлежащих простому люду, построивших их на свои честно заработанные, потом пропахшие и даже кровью политые в Афганистане и других горячих точках рубрики.

В «Справочной книге Екатеринославской епархии за 1913 год» говорилось:

«Во внешнем виде села также появилось социальное неравенство его жителей. Помещичье имение, окруженное тенистым садом с искусственными прудами и живописными беседками, возвышалось среди крытых соломою хат, теснившихся вдоль узких кривых улочек. В Котовке не было больницы – село входило в Гупаловский врачебный участок, объединявший 5 волостей с населением 37 тысяч человек.

Большинство крестьян лечилось у знахарей, детская смертность была крайне высокой. Церковно-приходская и сельская одноклассная земские школы не могли охватить всех желающих учиться...»

В ноябре 1916 года в селе стали распространяться листовки, изданные Екатеринославским комитетом РСДРП. В них призывали солдат повернуть штыки против царя и помещиков. А скоро наступил и Октябрь 1917 года, встреченный жителями Котовки с радостью. События революции, или переворота, как кто воспринимает это важное событие в жизни России, активизировали трудящихся Котовки на борьбу против местных богатеев.

Именно в этой обстановке рос Николай Кравченко в родной Котовке, ставшей для него навсегда малой родиной, которую он любил всем своим пылким и горячим сердцем.

Николай с детских лет увлекался рыбной ловлей. Он, как и его сверстники, понимал: там, где есть вода, там имеется и рыба, и ее стоит ловить. Нередко с друзьями подросток отправлялся с удочками на реку Орель или к прудам. Однажды он принес на лозовом кукане килограмма два рыбешек.

– Мамо, посмотрите, сколько я поймал, – танцуя и подпрыгивая на одной ноге, он протянул вязку речных трофеев. (На Украине к старшим и родителям дети обращались только на «вы». – *Авт.*)

– Молодец, сынок, жаряночка на вечерю уже есть, – на материнском лице засветилась улыбка, в последнее время редко появляющаяся из-за бытовых трудностей и военного лихолетья.

– Мамо, я еще наловлю!

– Голодать, значит, не будем?

– Конечно, нет... рыбы в речке и в ставках полно. Меня хлопцы научили по-настоящему подсекать. А то я торопился и дергал, как сумасшедший. Даже маленькая плотвичка срывалась с крючка. Я сегодня больше всех поймал.

– Как говорится, проголодаешься, так сам догадаешься. А вообще не хвались, другой раз можешь оказаться неудачником, – заметила мать.

Рос Николай смышленным пареньком, хотя поначалу был робок среди сверстников. Но вот что удивляло родителей – с годами его все больше и больше тянуло к старшим, где он постигал то, чего одноклассники, а тем более младшие по годам не знали не ведали.

Детство Коли было опалено огнем Гражданской войны, которая горячим, долго не остывающим катком прокатилась и по землям Екатеринославской губернии. Она принесла в каждую семью голод, холод и мордобой. Сыновья воевали с отцами, отцы убивали детей. Красный брат убивал белого брата. В казаках началось такое брожение, что один из столпов большевистской власти Лев Троцкий призывал к уничтожению станичников, их быта и традиций, требовал поголовного «расказачивания», что активно применялось на практике.

А ведь еще Л.Н. Толстой говаривал: «Казаками построена Россия!» Наверное, с этим нельзя не согласиться. Тогда как Троцкий утверждал обратное:

«Казаки – единственная часть русской нации, способная к самоорганизации. По этой причине они должны быть уничтожены поголовно... У казачества нет заслуг перед русским народом и государством. У казачество есть заслуги лишь перед темными силами русизма... Особенно рельефно бросается в глаза дикий вид казака, его отсталость от приличной внешности культурного человека западной полосы. При исследовании психологической стороны этой массы приходится заметить сходство между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира... Насущная задача – полное, быстрое и решительное уничтожение казачества как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества, вообще всех верхов казачества, распыление и обезвреживание рядового казачества».

Это было зверство не только главного атеиста большевиков, но и русофоба-человеконенавистника.

Следует заметить, что Ленин поддерживал «первого барабанщика революции», тогда как Сталин относился к этим событиям мягче, считая, что достаточно большая часть казачества лояльно относилась к советской власти. И это была правда до тех пор, пока некоторые политики не перегнули палку. Она не выдержала напряжения и треснула. Спицы в колесе тачанки недовольства шагами Троцкого со стороны казачества оказались не все поломаны. Началась месть кровавой рубки.

Что касается августовского периода города Екатеринослава образца 1918 года, то власть там часто менялась. Из воспоминаний жителя города того времени Перепечи Ивана Ефимовича:

«Жили мы в водовороте перемен. Вот идут и едут петлюровцы – уставшие, невеселые, все как один в запыленных чоботях – сапогах, барашиковых шапках, синих свитках и пешадрамом, и на хорошо откормленных и породистых лошадях. После них в городе и близлежащих селах и хуторах появились воровские фигуры мародеров в солдатских шинелях.

Это дезертиры из воинских частей. Потом с уходом петлюровцев наступало междувластие. Местные офицеры берут город под свою охрану. На постах часто можно было видеть не солдат, а офицеров. Патрулями по городу тоже ходили офицеры младших званий, естественно, при оружии – револьверах и саблях или шашках.

Через сутки после офицерской охраны городских границ пронеслась весть: на город движется туча большевиков. Красную кавалерию кто-то видел в балках на подступах к Екатеринославу. И рано утром Феодосийский офицерский полк покинул казармы и в полном вооружении с пушками на повозках двинулся по направлению Крыма.

Но утром в город ворвались не большевики, а махновцы. Они тоже основательно потрясли город. Потом все-таки явились краснознаменные большевики. Потоптались, помитинговали, постреляли, кого им надо было отправить на тот свет, и снова понеслись, как перекати-поле, куда-то завоевывать пространство для российской революции.

Утром примчался казачий атаман Шкуро со своей волчьей сотней. Волчьей стаей называлась сотня потому, что на шапках у них красовались волчьи хвосты.

У церкви состоялось богослужение в честь их прибытия. Ораторы выступали прямо сидя на лошадях. Говорили страшилки: о кровавых казнях большевиками зажиточных людей и тех, кто косо смотрел на советскую власть.

Местная публика любила перемены: каждое войско встречали цветами, улыбками и семечками. Богата была тогда Украина. Попы жили зажиточно, «...не то, что нынешнее племя».

Единственно, что плохо было, это с одеждой. Грабили людей не из-за денег, а из-за понравившейся одежки. Из-за недостатка мануфактуры часто даже выкапывали недавно захороненных мертвецов, быстро раздевали, нередко оставляя их в непристойных позах. Евреи ставни в своих домах закрывали из-за боязни погромов, а они тут бывали часто. Казаки и не только они считали евреев моторами антирусской революции.

На следующий день пришли добровольческие части. Сутки побыли, а на следующую туманную ночь раздалось мощное «Ура!» – крики, скрип телег, и город снова взят махновцами. На этот раз они были злые, как никогда, – грабили, насиловали, убивали. Женщины и девушки прятались, кто где смог. Убежали в далекие села и глухие хутора к родственникам и знакомым».

МАХНОВЩИНА

*Кони версты рвут наметом,
Нам свобода дорога,
Через прорезь пулемета
Я ищу в пыли врага...*

Нестор Махно

Махновщина, так называемые вооруженные повстанческие формирования, стала родимым пятном Украины. Она врезалась в память народную бандитизмом, хаосом, беспорядком и пьяным разгулом.

Та атмосфера, которая окружала губернский город в годы Гражданской войны, была одинаково характерна для сел и хуторов Екатеринославщины: большевики, бандиты, добровольцы, атаманы, дезертиры, нищие... Стрельба, воровство, грабежи, трибуналы, казни. Разбойники разных мастей гуляли по краю.

Жилось сельчанам не здорово: каждая новая власть, проходившая обозами или пролетающая эскадронами, одинаково грабила дома «голубых рабов». Так местные называли земледельцев, которые целыми днями пропадали в поле – от посевов до сбора урожаев. Поэтому запасы зерна прятались в земляных ямах. И не только хоронили хлеб, но и все то из продуктов, что могло быть экспроприровано непрошеными гостями. Особенно боялись отчаянных, развязных и пьяных махновцев-гуляйполеводов.

Отец Николая трудился на злачном месте, как говорили завистники-соседи, – поваром в столовой, поэтому иногда баловал родных сэкономленными «излишками калорий»: то сахарку принесет, то десяток картофелин захватит, то кусочком сала одарит семью, а порой и вареными яйцами порадует.

– Эти «излишки калорий – результат усушек и утрусок», – улыбаясь, говорил он супруге, кладя на стол деликатесы.

– Ой, смотри, а то сраму не оберешься, если прихватят тебя с этими «излишками», – корила его жена. – А то посадю, тогда без тебя нам всем гаплык.

– Глупости ты мелишь, шо я ворюга какойсь? Так енто излишки стола, – не пудами же ношу, а крохами в кармане.

– Все равно, будь осторожен.

– Не забывай, милая, меня часто одаривает и сам хозяин столовой, – пытался оправдаться

Григорий.

– Тебе виднее... А мне страшно. Поймають – позора не оберешься.

– Не бойсь... Усе будет в норме.

– А где та норма?

– В голове! – сердился Григорий, продолжая носить то, что давали и что можно было незаметно умыкнуть. Время было нелегкое...

* * *

Часто в Котовку наведывались проездами атаманы разных отрядов, банд, сотен... Но самыми впечатляющими были визиты отрядов батьки Махно.

– Коля, принеси дровец и разожги плиту, – попросила мать.

Он тут же побежал в небольшой сарайчик, где лежали солома для растопки, валежник и поленья всегда сухих дров. Отец держал под контролем топливный вопрос. Всегда заготавливал дровишки впрок. Через полчаса плита гудела, тяга была отменная. Ведь выложил ее друг отца – печник Спиридон Макуха.

– Такого мастера в округе не сыскать, – частенько именно так рекомендовал его селянам Григорий.

Сидя у печки, Николай разомлел. Щеки сделались розовыми от жары. Он наслаждался огненными языками, стелющимися горизонтально и устремленными из-за той же тяги в горловину дымохода. И вдруг услышал залихватый свист на улице.

«Так свистеть может только Гришка», – подумал Николай и бросил просящий взгляд на мать.

– Небось, снова Гришка приглашает?

– Ага, а вы угадали!

– Трель твоего соловья уже изучила. Ну иди, иди, только трошки погуляй и домой. Сам видишь, сумасшедшие махновцы колобродят.

– Ой, спасибо, мамо.

Николай выбежал на улицу. У разлапистой яблони, увешанной желто-красными плодами, возле калитки стоял улыбающийся Гришка Проценко.

– Идем к махновцам... За десяток груш Славке дали выстрелить из винтовки. Может, за яблоки они и нам дадут пальнуть в небо. Ребята набили картузы поспевшими ароматными яблоками и помчались в сторону остановившегося обоза.

Гришка был постарше Николая на несколько лет, что в детстве всегда заметнее – идет ведь интенсивный рост. Завидев на повозке полусонного с закисшими глазами махновца с прилипшим к нижней губе замусоленным окурком самокрутки и выдавшим виды карабином, Гришка подошел к нему и предложил яблоки за выстрел.

– А ну покажи... Сладкие или кислятина?

– Сладкие, дядьку!

Махновец взял картузы с яблоками, высыпал их на сено, а потом грызнул со смачным хрустом плод.

– Фу, они у вас кислые.

– ???

– Кислятину принесли мне...

– Дадите выстрелить?

– Шо-о-о? Марш отсюда, сопляки голопятые, – и замахнулся плеткой на обескураженных ребят, которые тут же ретировались – просто убежали...

Вечером, придя с работы, отец рассказал жене о ЧП, происшедшем в столовой.

– Зашли шестеро бандюков, понимаешь, у столовку. Вонючие, замурзанные, при оружии – пистолетами и винтовками и с патронными лентами наперекрест. Поставили четверть мутного самогона на стол и как закричат хором: «Столы накрывайте, недотепы!..» Ну официантки и подсустились. Угостили всем что было. Они и начали колобродить: пили и чавкали долго, а потом с пьянки стали палить в потолок из револьверов и винтовок. Поставив одного у входных дверей, махновцы решили расслабиться плотью, понимаешь. Стали гоняться за женским персоналом. Поначалу перепортили всех наших молоденьких бабенок. В ход пошли не только молодницы, но и бабка Прасковья, а ей уже за семьдесят. Нарезвились пятеро, а потом, подождав пока «отдохнет» шестой, покинули столовую. Хорошо, что еще пулями не побили стекла в окнах, а то бы было мытарство – стекол нынче нигде в округе не достать.

– Изверги, что могу сказать, – ответила супруга. – А мне Катерина, та, что живет у магазина, рассказала: шинок яврея пограбували. Горилку и винцо частью выпили, частью забрали

с остальным понравившимся им барахлом. Вынесли из хаты усе, нужное им, и погрузили на подводы. А жинку его Софью згвалтували. Знасильничали паскуды вонючие.

– Вот басурманы доморощенные, чорты погани, – возмутился муж. – Вчера Ивана, хозяина мельницы, ограбили. Забежали во двор, а там дядьки из соседнего села как раз загружали муку на подводы, смололи пшеничку. Забрали усе мешки, а их за сопротивление сильно побили прикладами и шомполами. А потом зашли на мельницу и там все забрали. Вымели до зернинки в мешки.

– Когда же это все кончится?! – не то спросила, не то воскликнула от негодования жена Григория.

– Кончится тогда, когда какая-нибудь власть не наведет порядок в дэржаве. Дэржавы ж нэма. Вона у хаосе пена должна осесть, а ей надо время...

Трое суток резвились махновцы, пьянствуя, насилуя, грабя граждан. На майдане, где выстроились повозки обоза, развевался черный не то транспарант, не то хоругвь, отороченная снизу золотистой бахромой. Горизонтально по ткани был вышитый белыми мулине призыв: «Смерть всім, хто на перешкодї здобуття вільності трудовому люду!» – («Смерть всем, кто препятствует достижению свободы трудовому народу!» – *Авт.*)

Под словом «смерть» зловеще красовались белый череп и перекрестие двух костей, ввергая простолюдинов в неприятное чувство страха за свою жизнь и родичей. Старший отряда, назвавший себя Луговым, заявил собравшемуся на митинг народу:

– Мы – воины революционной повстанческой армии Украины во главе с вашим земляком и нашим вождем Нестором Ивановичем Махно воюем против хаоса в державе. Главный наш враг, как говорил наш атаман, батько и товарищ, дорогие селяне, – добровольцы Деникина. Они хотят вернуть царя-изверга. Не допустим кровопийца и его ставленников на местах – помещиков. Надоели эти бары. Большевики – все же революционеры. С ними мы можем рассчитаться потом. Сейчас все силы надо направить против военного помещика Деникина. Он не должен получить от вас «ни зернышки, ни картопыльки». (Это означало по-русски «ни зернышка, ни картошины». – *Авт.*) Замеченные в помощи золотопогонникам селяне будут безжалостно нами уничтожаться как враги трудового народа. Мы у вас не забираем, а просим на существование армии, которая воюет за свободу трудового народа. Потом все отдадим с лихвой...

Он еще долго говорил что-то о патриотизме, о выпущенных повстанцами деньгах-купонах, на которых были изображены атаман, серп и молот. По этому поводу ходила шуточная частушка:

Гей, кумэ, нэ журысь!
В Махна гроши завэлысь,
А хто их не братэмэ,
Того Махно дратымэ...

Этими деньгами часто расплачивались повстанцы с населением. Много было поддельных купонов, даже рисованных цветными карандашами. Тех, кто сомневался в их подлинности, угрожали забрать или «спалить хату». Но, по другим данным, их атаман не выпускал – это был плод все той анархистской самодеятельности, которая гуляла в крае. Клепали, штамповали и рисовали их художники-мастера в сельских хатах-штабах в разных подразделениях сельской армии.

На третьи сутки утром отряд махновцев двинулся на Екатеринослав...

* * *

Коля Кравченко школу-семилетку закончил в родном селе в 1928 году. Получить сельскому парню семилетнее образование по тем временам было большим достижением. В конце двадцатых и начале тридцатых годов в основном из сел уходили селяне в города с образованием начальной школы. С четырехлетками воевали командирами, даже становились полковниками и трудились инженерами наши отцы и деды. С четырехлетним образованием практически шли на партийную работу, а потом и в вожди. Опыт нарабатывался, и навыки со временем набивались природной смекалкой и трудолюбием.

Это был период сплошной коллективизации, раскулачивания и борьбы за утверждение нового порядка в землепользовании, когда насилие власти попытались регулировать и применять только до известного предела. Но допущенное насилие – оно всегда переходит границы. Попытки его контролировать усилиями разума, декретами власти ни к чему не приводили и до сих пор не приводят.

Великий мыслитель земли Русской Л.Н. Толстой по этому поводу говорил, что «как только дело решается насилием, насилие не может прекратиться...»

При решении дела насилием победа всегда остается не за лучшими людьми, а за более эгоистичными, хитрыми, бессовестными и жестокими, потому что хорошие люди слабее плохих. Как говорится, Бог всемогущ, но и черти не лыком шиты. Дьявол в аду – положительный образ!

Изворотливые «специалисты» сельской нивы сделали все для того, чтобы превратить в дальнейшем крестьянина в беспаспортного раба с вознаграждением за полевую каторгу символическим трудоднем. Насилие над деревней влилось ядом в души крестьян, а для тех, кто его готовил, оно казалось правом, потому что повторялось потом из месяца в месяц и из года в год. Где тщетна мягкость, там насилие законно. Сельский народ в основном молчал. А если и возникали вспышки гнева, они тут же глушились силой. Для власти каждый перечеркнутый минус – это плюс...

Шел во многом знаковый по исторической литературе 1929 год. Это был год, когда сталинский курс на индустриализацию и коллективизацию обрел форму чрезвычайной мобилизации по стране. Поводом для этого послужил знаменитый «черный четверг», случившийся на Нью-Йоркской фондовой бирже. Он ознаменовался началом катастрофического экономического кризиса во всем капиталистическом мире. Страны Запада, стянутые долларом обручем в системе рыночной экономики, попали в глубокую депрессию. Началось неудержимое падение производства, зарплаты, доходов, занятости, уровня жизни, то, что сегодня называют рецессией.

Что-то подобное мы наблюдали в России в 1998 году и опять сегодня все в той же нами любимой Родине. Но и на Западе не стало легче, раньше «буржуины» жили роскошнее. Но на экономическую обстановку в СССР образца тридцатых годов «черный четверг» никак не повлиял. Наша страна успешно развивалась.

Почему? Дело в том, что мы были изолированы от мировой экономики, и защита внутреннего рынка государственной монополией на внешнюю торговлю в сочетании с переходом к планированию служили своеобразным эскарпом против опасной машины экономического кризиса, гроза которого прошла стороной.

Больше того, социалистическая индустриализация набирала темпы, но ценой ломки устоев деревни. Яростный штурм первой пятилетки сочетался с началом коллективизации сельского хозяйства. В этом мареве хаоса и насилия оказалось крестьянство. Но, как говорится, борясь с адом, святые сатанеют.

Да, после революции крестьяне получили землю, и все же, несмотря на курс, взятый на культурную революцию в селе – строительство школ, клубов, библиотек, изб-читален и прочее, – жили они в нищете, забитости и бескультурье.

В южных районах Украины в тот период главными строительными материалами были ракушечник, глина и лоза. Хаты-мазанки с «доливками» – глинобитными земляными полами – были не редкостью. Печи и плиты топились всем, что могло гореть, даже киззяками. Эти высушенные на солнцепеке лепешки спасали крестьян, живших в степных безлесных районах.

* * *

На селе начинался процесс вербовки рабочей силы. Урбанизация открыто заявляла о себе. Это была черная дыра – воронка, которая засасывала молодые, крепкие силы станиц, сел, деревень и хуторов. Но и без уговоров молодежь уходила из сельской местности на стройки заводов и фабрик в города. Приходили крестьяне на производства целыми деревнями во главе со своими «старшинами» и даже собственным инвентарем.

Отец Николая, несмотря на особенность профессии, интересовался «жизнью людскою», читал газеты, слушал радио и соображал, что грядет новое во многих ипостасях время, разительно не похожее на прежнюю жизнь. Но сельский быт кардинально не менялся ни в его семье, ни у станичников.

– Мыкола, как только ты закончишь семилетку, учись дальше, добудь какую-нибудь профессию. Десятилетка тебе тоже не нужна – мотаться в город. И в селе парубку делать нечего. Тут будет со временем очень тяжело. Земли у нас лишней нет. За нее еще предстоят большие бои. Налогами крестьянина задавят. Огород только на прокорм. Вообще останутся доживать тут одни старики, молодежь не захочет жить в этих скотских условиях, – грамотно, с перспективой на будущее философствовал отец.

– Батька, да я сам вижу, куда жизнь потекла. Хотя директор школы нам и рисовал красивое будущее колхоза, многие выпускники с ним не согласны. А учительница по истории прямо сказала, что загонят селянина, как скотину в стойло, – среагировал сын.

– Вот-вот, а в стойле скотина стоит, как правило, привязанная. Привяжут колхозами и селянина – налыгачи найдутся...

– Поеду, наверное, поступать в техникум.

– В какой?

– В землеустроительный, в Днепропетровск. Там же наши хлопцы есть, уже двое учатся. Хвалят профессию!

– Ну что же, нормальная специальность – хоть с землей, но не пыльной.

– Я тоже так думаю...

На семейном совете так и решили отец и сын.

А в селе Котовка появление колхоза вызвало конфликты, неразбериху, отстаивание права на свою собственность. Никто не хотел отдавать в колхоз земельные нарезки, скотину и инвентарь. Селяне к данному вопросу подходили со своей мелкобуржуазной меркой, особенно это касалось отдачи зерна в чужие руки. Трехлетняя битва в ходе хлебозаготовок обнажила проблемы не с кулаком, а с середняком-«подкулачником». Более того, против коллективизации выступили духовные отцы: православные и даже мусульмане.

Однажды Николай был свидетелем, как к соседу Никанору пришли державные люди и стали громко ругаться с хозяином двора.

– Не отдам, – кричал Никанор. – Ни за что не отдам свою лошадку. Она моя выручалочка-кормилица. На ней и дровишки вожу, и сенцо для коровки. Без нее я погибну и погублю всю семью. Что вы, ироды, делаете?

– Мы протокол составим! – кричал весь раскрасневшийся от волнения милиционер.

– Составляйте, а коня вам не отдам, хоть стреляйте, – ярился Никанор.

А когда потребовали вывести из сарая и корову, сосед забежал в сарай и мигом выскочил с острозаточенными и поблескивающими на солнце вилами.

– Заколю, попробуйте только троньте Зорьку.

Потоптались чиновники по двору со щупами – искали закопанное «в припрятые» зерно – и покинули его пораженцами, понимая, что неистовство коллективизации все равно сломает Никанора и ему подобных не сегодня, так завтра непременно. Когда комиссия покидала двор, Никанор им вслед закричал:

– В колхоз вступлю, но с пустыми руками!

Прошло почти полгода, и власти стали отмечать массовый забой скота. В августе-сентябре он приобрел немислимый размах. Селяне резали коров, свиней, телят и даже лошадей. За неделю Никанор заколол двух поросят и обратился к Григорию Кравченко с просьбой «забрать жизнь у Тумана» – любимого жеребчика.

– Гриша, сам не смогу я это действие совершить. Ты с Мы-колой уж подсоби, а я потом подключусь. Ты завтра не выходной?

– Свободным я буду только послезавтра, – ответил Григорий.

– Скорей бы закончить задуманное, иначе ведь заберут до табуна, – размышлял Никанор.

Коня все-таки силой забрали в колхоз, а вот корову он успел зарезать. Николай видел, как выводили на убой Зорьку. Прослезился совсем не малость – он рыдал по-бабьи глубоко, голося и причитая.

Виновато взглянув на кормилицу, он обратил почему-то внимание на потухшие, безразличные синие, как сливы, глаза коровы...

«Наверное, она чувствовала свой неизбежный конец», – подумал Никанор и снова зарыдал...

* * *

Днепропетровск образца 1928 года встретил сельского подростка непривычным ему гомоном, грохотом трамваев, свистками паровозов и дымами заводских труб. В одной из газет он прочитал, что в городе насчитывается более ста шестидесяти трамваев и продолжается активное строительство трамвайных путей. Нашел и информацию о том, что к концу года городская электрическая чугунка перевезла почти тридцати восемь миллионов пассажиров...

Все это впечатляло и удивляло Николая.

Вступительные экзамены в землеустроительный техникум он сдал успешно. О том, что его зачислили, узнал из приколотого кнопками списка на доске объявлений. После этого дали бесплатное общежитие. Учеба оказалась нетрудной – спасали цепкая память и усидчивость. Но особого желанья трудиться по этой специальности не возникало. Отучившись два курса, он в качестве землеустроительного практиканта попадает в окружное земельное отделение поселка Соленое, находившегося в каких-то трех десятках верст от Днепропетровска.

Практиковался с января 1929 по сентябрь 1930 года. Много помогал и в домашнем хозяйстве на огороде, и при заготовке дров, когда приезжал на побывку домой. Готовился к службе в армии, проявив перед одногодками инициативу- «подкачаться». Набирался силенок на сооруженном во дворе из старого лома турнике и поднятием тяжестей. Для крепости духа, как где-то он прочитал, нужна крепость тела. С этой целью с мая по октябрь 1931 года трудился грузчиком на заводе имени Ворошилова в Днепропетровске.

Физическую закалку для службы в армии получил достойную. Заводской мастер цеха дядя Федя, прознавший, что Николай устроился на завод, чтобы набраться силенок, как-то заметил:

– Коля, я скажу тебе, ты молодец, физические упражнения могут заменить множество лекарств, но, увы, ни одно лекарство в мире не может заменить физические упражнения. Движение – кладовая жизни, это сама жизнь. Работающие мышцы удлиняют жизнь. Помни это всегда.

Военная служба в те годы была почетной обязанностью. Авторитет служивого оставался высок. Девчата «белобилетчиков» обходили стороной, считая их ущербными, слабаками, паиньками, болявыми, не способными воспроизвести здоровое, крепкое потомство. «А где и на какие средства потом лечить больных детей?» – наверное, так рассуждали будущие матери.

«А чего там, – мыслил Коля Кравченко, поступая на завод, – и денежки будут, и силенок приобрету. Они сгодятся в армии».

Один из соседей, казак Дмитрий Панченко, участник Первой мировой войны, рубака эскадронный, знавшей Николая с детства, как-то заметил:

– Смотрю на тебя, Коля, вон какой вымахал. Иди в армию и попросись в конницу, она еще себя не исчерпала. Кони – это быстрота, маневры, внезапность. Ты же казацкого рода. Думаю, обязательно попадешь в кавалерию. От солдата требуются прежде всего выносливость и терпение, храбрость – дело второе. Она приходит в момент совершения главного ратного действия – подвига.

– И мне хочется туда. К лошадям с детства привык. Наездился и с подводой, и верхом. Мозоли добрые набил на ж...

– Ну так тебе же и карты в руки.

Как в воду глядел старый вояка...

ЧЕРВОНОЕ КАЗАЧЕСТВО

*Слава богу, что мы казаки.
Вот молитва казачья святая,
Наши сотни и наши полки
С нею крепнут от края до края.*

Ксения Курбанова

Как потомственный казак, Николай действительно попал служить в казачьи войска в город Харьков – второй по численности город Украины, столицу до 24 июня 1934 года УССР.

Как известно из послужного списка, Николай Григорьевич Кравченко служил рядовым 1 – го кавалерийского полка 1 – й кавалерийской дивизии красного Червоного казачества Киевского военного округа с октября 1931 по октябрь 1933 года.

Он стал прекрасным кавалеристом, потому что еще дома, как говорилось выше, слыл удалым наездником. Не раз Николай, как опытный всадник, удивлял котовских девчат, проносясь лихим галопом по пыльным улочкам родного села, поэтому все упражнения джигитовки сдавал только на одну оценку – отлично.

Одно время был и запевалой в подразделении. Часто приходилось обращаться к словам «Марша Буденного». Любили армейцы эту песню, особенно когда она исполнялась в конном строю, проходя иноходью с развернутым знаменем и шашками наголо мимо трибун или на плацу при тренировках:

*Мы – красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ:
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы гордо,
Мы смело в бой идем...*

Николай Кравченко очень любил этот род войск.

Вообще говоря, о казачестве, о системе их боевой подготовки есть смысл обратиться к словам Наполеона Бонапарта. В своих воспоминаниях о войне 1812 года он писал:

«Казаки имели свою собственную систему подготовки и тренировки боевых коней, но еще одним секретом их сокрушительных атак было джигитовка. Надо отдать справедливость казакам, это они доставили успех России в этой кампании.

Казаки – это самые лучшие легкие войска среди всех существующих. Если бы я имел их в своей армии, я прошел бы с ними весь мир».

Несколько слов хочется сказать о самом термине «червоное казачество».

Червоное казачество! Это общевойсковое соединение было создано для защиты советской Украинской Народной Республики со столицей в Харькове в противовес Украинской Народной Республике с ее главным городом Киевом и частями так называемого Вольного казачества. В то же время Червоное казачество являлось одним из воинских формирований в составе Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

Формирование полков Червоного казачества по своей сути стало началом образования регулярной РККА не только на Украине, но и на территориях бывшего СССР. Надо отметить, что указ о создании Червоного казачества был подписан 10 января 1918 года, то есть раньше официальной, многими либералами считающими надуманной, даты рождения Красной армии – 23 февраля 1918 года.

Действительно, в документах Министерства обороны России подтверждено, что в районе деревень Большое и Малое Лопатино под Псковом около одной тысячи бойцов 2-го красноармейского полка под командованием А.И. Черепанова 23 февраля 1918 года вступили в бой с передовым отрядом, состоящим из четырех немецких дивизий, наступавших на Петроград. По воспоминаниям комполка, немцев остановили у этих деревень, «потрепав здорово».

Вот почему 23 февраля – день наиболее напряженных боев на Петроградском направлении, день массового вступления в Красную армию рабочих и крестьян и мобилизации всех сил и средств страны на отпор врагам революции и Советской России – стал считаться днем рождения РККА.

* * *

В частях и подразделениях Червоного казачества в отличие от красногвардейских отрядов, содержавшихся за счет предприятий, средства на обустройство «червоных» казаков выделяли партийные организации, а потом и Совет народных комиссаров – советское правительство. Командиров среди Червоного казачества не выбирали, их назначали сверху, как сегодня губернаторов.

Формирование этого соединения (дивизии) осуществлялось мобилизационным отделом Народного секретариата по военным делам республики. Комиссаром по организации и сколачиванию полков Червоного казачества партийное руководство Советской России назначило Виталия Марковича Примакова.

Родился и вырос он на Черниговщине в еврейской семье учителя. Рано примкнул к революционному движению. Так, будучи гимназистом, в 1915 году за распространение листовок и хранение огнестрельного оружия был осужден на пожизненное поселение в Восточной Сибири. Освободила его из заточения Февральская революция.

1-й полк Червоного казачества был создан в Харькове еще 28 декабря 1917 года под командованием В.М. Примакова, или, как его кратко и ласково называли, Маркович.

Кто же попадал служить в полк? Прежде всего основу его составляли украинские крестьяне, преимущественно казацкого происхождения, с территорий Левобережной – и Восточной Украины. Но в тридцатых годах Сталин и правительство Советского Союза поняло, что при троцкистской политике геноцида казачества оно лишилось здоровой части населения. И сразу же включило политический реверс – стало приглашать на Дон, Кубань и Терек советских граждан, награждая их «званием казака».

В результате чего в строю «красного казачества» уже не стало той монолитности, которая существовала раньше из местных призывников. Постепенно культивировался, а потом и прижился сплошной «интернационализм». По воспоминаниям одного из сотрудников штаба Войска Донского Николая Быкова, изложенных в его книге «Казачья трагедия», говорилось:

«Из этих народившихся «казаков» и стали формироваться воинские части. Но что это были за части, можете себе представить. Идет по улице военным строем такая вновь сформированная казачья воинская часть, но вы видите там все национальности: монголов, татар, армян, грузин, евреев и т. п., собранных со всех губерний и областей; казаков же, настоящих, там почти не видно...»

Немного истории.

1-й полк Червоного казачества выступил из Харькова 4 января 1918 года вместе с отрядами Красной армии и Красной гвардии на борьбу против Центральной рады. Советские войска действовали успешно и уже 6 января захватили Полтаву, а 26-го пал Киев. Власть разбежалась, как тараканы при внезапном освещении.

В 1919 году кавалерийская дивизия Червоного казачества под командованием Примакова на протяжении месяца защищала Чернигов от наседавших белогвардейцев – Добровольческой армии генерала Деникина.

В 1920 году он уже – командир 1-го корпуса Червоного казачества. За бои под Орлом и Курском, а также за успехи в Советско-польской войне он был награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени.

В 1923 году Примаков зачисляется в Высшие военно-академические курсы, а в 1925 году – Высшую кавалерийскую школу в Ленинграде. Некоторое время командует корпусом Червоного казачества, затем возвращается в Ленинград на должность начальника Высшей кавалерийской школы.

В 1925–1926 годах Примаков находился по линии военной разведки в долгосрочной командировке в Китае. В 1927–1930 годах проходит военную службу в качестве военного атташе в Афганистане и Японии. В 1931 году командовал стрелковым корпусом на Урале.

* * *

«Нужно сказать, кавалеристы – примаковцы, котовцы и буденовцы – были патриотами своих корпусов в те далекие времена. Этот патриотизм доходил до антагонизма», – вспоминал генерал А.В. Горбатов.

Известно, что К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный нетерпимо относились ко многим выдающимся кавалерийским вожакам и вообще недооценивали роль героических соединений советской конницы, которые не входили в состав Первой конной армии. Отношения между конармейцами и Примаковыми вообще считались наиболее напряженными.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года К.Е. Ворошилов иронизировал: «Он, Примаков, видел в нас конкурентов: он кавалерист, мы с Буденным тоже кавалеристы. И он, думая, что его слава затмевалась Буденным, ему не давали ходу вследствие того, что Буденный с его единомышленниками из Первой Конной армии заняли все видные посты в кавалерийском строю, он вследствие этого был недоволен и фрондировал».

Но это случится несколько позже, а пока его вместе с группой видных военачальников, куда входили товарищи Дыбенко, Дубовой, Уборевич, Якир, посылают в Германию повышать образование в Военной академии генерального штаба. Вернувшись из Германии, он получил должность помощника командующего Северо-Кавказским военным округом.

С 1935 года – заместитель командующего Ленинградским военным округом. В это время в стране начались аресты видных военачальников. В июле 1936 года люди в васильковокрасных фуражках пришли и за ним.

Ему предъявили обвинение – участие в военном заговоре. Он не только признался в содеянном, но после девяти месяцев содержания в следственном изоляторе дал показания, по которым позже были арестованы многие командиры и комиссары, в частности, А.И. Геккер, Б.С. Горбачев, И.С. Кутяков и другие.

М.Н. Тухачевский, как руководитель готовящегося покушения против Сталина, тоже признался, что активная роль в заговоре отводилась комкору В.М. Примакову.

Суд над заговорщиками состоялся спустя год. 11 июня 1937 года В.М. Примаков был расстрелян по решению специального Судебного присутствия Верховного суда СССР. Реабилитирован при правлении Хрущева в 1957 году.

Такова судьба одного из полководцев Червоного казачества.

* * *

Во время службы в Особом отделе КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу во Львове автору приходилось периодически бывать в городе Бугске, решая оперативные вопросы. В этом небольшом населенном пункте районного масштаба находились окружные склады медицинского имущества. Автора удивило то обстоятельство, что здесь, в конце 60-х годов прошлого века, проживало очень много местечковых евреев, и большинство из них, конечно, с их подачи, служили в полках Червоного казачества и в частях особого назначения (ЧОНах).

Один из знакомых по имени Константин умудрился в революцию поменять имя, отчество и фамилию и таким образом стал русским – Константином Яковлевичем Гориным. Хотя он перед автором не скрывал свою истинную национальность – ее было трудно скрыть.

Помню, я спросил его:

– Зачем был для вас этот маскарад, вы же тогда победили в революцию, положили на лопатки царский режим?

– Молодой человек, – ответил он, – вы же знаете, как гноило нас царское правительство через всевозможные цензы оседлости, запреты на профессии, ограничения. Вот люди и выкручивались, делались православными выкрестами, брали псевдонимы, меняли не только фамилии, но имена и отчества.

– И все же это непатриотично, – не унимался автор. – Почему надо стыдиться своей национальности?

– Такие шаги гарантировали право на нормальную жизнь в новом обществе...

Судя по количеству наград, видно было, что Константин дрался за советскую власть смело и умело. Вообще был порядочным человеком – помогал чем мог своим сослуживцам – больным, немощным и бедным. Деду Косте, каким автору – молодому лейтенанту он тогда казался, было далеко за шестьдесят. Он подолгу рассказывал о лихих кавалерийских атаках под Полтавой и Киевом. Не гнушался «стравить» и анекдот о своих соплеменниках.

– Не побьют свои? – помню, спросил я его, услышав из уст еврея порой скабрзные и явно антисемитские байки.

– А мы такие, что не боимся анекдотов. Юмор в любой форме придает сил. Только его надо понимать и принимать без обид. В анекдоте – сама жизнь, а от нее никуда не денешься, пока живешь на белом свете. Как говорил Карел Чапек, анекдоты размножаются почкованием. А вообще анекдот – это комедия, спрессованная в секунды.

– Боевой путь у вас в казачьем войске большой. Оставили мемуары, очерки, воспоминания, книги?

– Нет, некогда было, да и писать не очень любил и не люблю, – откровенно признался кавалерийский рубака. – Я по этому поводу отвечаю на такой вопрос старым сталинским анекдотом.

– Каким?

– Вот послушай: «Встретились Богдан Хмельницкий и Иосиф Сталин. Знаменитый гетман и говорит советскому лидеру:

– Мои казаки, Иосиф, все были чубатые, а твои – носатые!»

В частях Червоного казачества были и родовые «чубатые» казаки, пропитанные социалистическими идеями с желанием устроить и раздуть «мировой пожар на зло буржуйам», т. е. планетарную революцию. Были и другие заблудшие. Однако руководящие должности занимали активные интернационалисты. Вот почему не на пустом месте рождались подобные анекдоты.

Основой формирования Червонного казачества стали Богунский и Таращанский красные полки, до этого служившие Украинской Директории. Начальником штаба у «казаков» был Туровский. Политотдел возглавлял Минц, будущий академик-историк. Оперативной частью руководил Шильман, комиссаром 2-й дивизии являлся Гринберг. Редактором дивизионной газеты был Дэвидсон и т. д.

Как писал А. Азаренков, «сильно сомневаюсь, что все эти людишки по происхождению или по духу имели хоть что-то общее с казаками!..»

К концу Гражданской войны две дивизии Червонного казачества – Запорожская и Черниговская составили корпус под командованием все того же В.М. Примакова.

– Знаешь, мил человек, – сказал герой Гражданской войны, – мы не обижались, когда подсмеивались друг над другом в анекдотах: кацап – над хохлом, хохол – над евреем, а еврей – над кацапом... Не обижались мы и на слово «жид», потому что такие были среди наших, отличавшиеся жадностью, трусостью и неприятием революции. Как правило, это были шинкари... Все были едины и заняты борьбой с врагами социалистического Отечества.

И наверное, правильно, ксенофобия порождается там и тогда, где и когда нет мощной национально-державной идеи, а оттого и появляется в обществе национальная разбалансировка.

Юмор – это лечебная правда в безопасных для жизни дозах. Он, как плющ, вьется вокруг дерева. Без ствола он никуда не годен. Ствол – это коллектив, общество, страна, держава.

Как говорил английский романист Гилберт Честертон, «человек, который хотя бы отчасти не юморист, лишь отчасти человек».

Таким автору запомнился рубака Червоного казачества Константин Яковлевич Горин – борец за советскую власть на Украине.

КРОВАВЫЙ ГОД

*Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.*

Анна Ахматова

Николаю Кравченко тоже довелось быть «к несчастью» в несчастье со своим народом. Это случилось в смертельно опасном тридцать седьмом.

Именно после раскрытия военного заговора Сталин дал зеленый свет Ежову. Ежовщина породила кровавый тридцать седьмой, затащивший в водоворот событий жертвы, а в дальнейшем и самих палачей, ставших жертвами. Этот год со временем аукнется многим чекистам, в том числе и невиновным в репрессиях, как их понимает современник.

Пепел крематория и кровь расстрелянных «врагов народа» и оных без кавычек до сих пор будоражат души и тревожат сердца наших сограждан. В раструб кровавой мясорубки, правда уже без ножей, почти через двадцать лет, попал и молодой тогда сотрудник госбезопасности Николай Кравченко.

После окончания службы, как на достаточно образованного по тем временам, дисциплинированного, политически подготовленного и физически здорового молодого человека, обратил внимание сотрудник контрразведки и предложил стать чекистом.

Как мог юноша, покинувший пределы армейской казармы, отказаться от романтической профессии чекиста, о которой в тридцатые (а разве только в тридцатые?) слагались саги и пелись песни.

Но были и другие оценки происходящих событий, высказываемые в основном на кухнях среди своих близких и знакомых:

*Позабыв все ужасы царизма,
Мы «доплыли» до социализма,
Это было, братцы, на беду
В девятьсот тридцать седьмом году...*

Но большинство народа, особенно молодежь, практически не замечала того, что со временем назовут репрессиями или «историей одного кошмара». Есть смысл тем, кто заинтересовался этой темой, прочесть книгу Александра Елисеева «1937. Вся правда о «сталинских репрессиях». В ней очень много того, за что бы с автором Никита Хрущев расплевался, так как сам участвовал, и причем активно, в процессе той самой ежовщины.

После специальности летчика профессия чекиста стояла второй в списке самых престижных и модных. Таково было время, а его, это самое время, люди не выбирают как для своего появления, так и для дальнейшей жизни.

Кравченко дал согласие и после краткосрочных курсов был принят помощником оперуполномоченного спецотдела – секретно-политического отдела (СПО) Краснокутского райотдела ОГПУ Харьковской области. Здесь же он обрел и первую самостоятельную должность – оперуполномоченного все того же отдела, но теперь уже НКВД.

Первая же чекистская несамостоятельная должность помощника оперуполномоченного спецотдела, или просто стажера, оставит впоследствии глубокую зарубку на судьбе оператив-

ника и станет основанием для придинок, а скорее поводом для отмщения Никитой Хрущевым за спасение не столько «Большой тройки» в 1943 году в Тегеране, сколько самого Сталина, которого он как льстец и лицемер, которых немало оседало и оседает во властных структурах, любящих властвовать над людьми, чуть не обожествлял, однако, как законченный властолюбец, страстно желал его падения.

Как же и чем «зацепили» кремлевские партийцы в будущем фронтовика генерал-майора Николая Григорьевича Кравченко?

Это были материалы о реальной деятельности разветвленной шпионской и диверсионной сети 2-го Отдела генштаба польской армии – «Польской организации войсковой» (ПОВ), преступно действовавшей на территориях Московской, Ленинградской, Харьковской и других областей СССР. Главными структурными звеньями этой организации были польские резидентуры.

Об этой организации пойдет разговор ниже.

За период довоенной службы его высшими руководителями – небожителями на чекистском небосклоне были Менжинский, Ягода, Ежов и Берия, каждый из них оставил свой заметный след, в том числе и кровавый, в истории страны. Если к первому особых вопросов у населения и Кремля не было и он ушел из жизни естественно, после тяжелой болезни, то к последним трем партийно-чекистским вождям применялись крутые меры, как тогда говорилось, акции социальной защиты: их устранили от общества путем физической расправы.

Каждый из троицы измазал свои руки кровью невинных жертв в ходе политических репрессий. Но больше всех постарался угодить Кремлю суетливый карлик с начальным образованием, «железный нарком» НКВД СССР Николай Иванович Ежов, назначенный на эту должность из партийных рядов для корчевки «ягодинцев», которым не доверял теперь вождь за его связи с троцкистами и заговорщиками.

Наверное, Николай читал хвалебную оду Джамбула Джабаева, народного поэта Казахстана, посвященную «железному наркому» и своему тезке. Она так и называлась «Баллада о наркOME Ежове».

Вот ее начало:

*«В сверкании молний ты стал нам знаком,
Ежов, зоркоглазый и умный норком.
Великого Ленина мудрое слово
Растило для битвы героя Ежова.
Великого Сталина пламенный зов
Услышал всем сердцем, всей кровью Ежов...»*

К великому сожалению, он услышал «пламенный зов» для пролития не своей, а чужой крови. Она разлакомила вампира. Нарком внутренних дел уже кровью одного дня и одного человека не мог насытиться. Он постепенно становился упырем.

Массовые репрессии периода ежовщины осуществлялись руководством страны на основании «спущенных на места» лубянским наркомом цифр «плановых заданий» по выявлению и наказанию так называемых врагов народа.

Согласно оперативному приказу от 30 июля 1937 года № 00447, цифры на утверждение представлялись местными органами имевшейся у них информации об опасности тех или иных лиц. В том числе особо выделялись уголовники. Приказ № 00447 был следствием резолюции Сталина от 2 июля 1937 года «Об антисоветских элементах».

В ходе ежовщины к арестованным нередко применялись пытки. Не подлежавшие обжалованию приговоры к расстрелу часто выносились без судебного разбирательства и немедленно приводились в исполнение.

Основными предпосылками ежовщины как родоначальницы «Большого террора» было:

- поголовное огосударствление большевиками всех сторон общественной жизни;
- «Ленинский призыв» 1924 года, открывший шлюзы прохождению в партию расчетливых карьеристов;
- убийство 1 декабря 1934 года Леонидом Николаевым выстрелом в затылок Сергея Мироновича Кирова (Кострикова). Большинство современных исследователей считают, что убийца руководствовался личными мотивами – обидой или ревностью. Версия о ревности опирается на свидетельские показания о любовной связи Кирова с Матильдой Драуле, женой Леонида Николаева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.